

A romantic couple in a snowy city at night. The man, with dark, wavy hair and a black tank top, has snow on his shoulder and is looking down at the woman. The woman, with long brown hair and a white knit scarf, is looking up at him. They are standing close together, almost kissing. In the background, there are snow-covered buildings and a heart-shaped sign on a building.

Хулиган,
который научил
меня дышать

—❤—
Маргарита Кирова

Маргарита Кирова

Хулиган, который научил меня дышать

<https://litres.ru/73949444>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я старалась быть идеальной.

Хорошие оценки. Правильные ответы. Никаких проблем. Никто не должен был знать, что иногда я запираюсь в школьном туалете и забываю, как дышать.

Тем более Артём Горин.

Главный хулиган школы. Прогоулы, сигареты, драки и репутация парня, от которого лучше держаться подальше.

Но однажды он сел по другую сторону двери и начал считать: – Один. Два. Три. Четыре. Дыши, Светлова.

После этого всё пошло не по плану.

Нас поставили в пару по литературе. Он начал замечать то, что я годами прятала. А я поняла, что за слухами о Горине скрывается совсем другой человек.

Влюбиться в плохого парня – плохая идея.

Особенно если ради тебя он снова полезет в драку.

И если на этот раз кровь окажется не только его.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маргарита Кирова

Хулиган, который

научил меня дышать

ПРОЛОГ

Вещественные доказательства

Мира

Я узнала, что кровь плохо отмывается в женском туалете на третьем этаже.

До этого кровь была для меня чем-то из фильмов, медицинских сериалов и маминых тревожных предупреждений. В жизни она оказалась другой: тёмной, липкой, упрямой. Она забивалась под ногти, размазывалась по коже и пахла железом так резко, что хотелось выплюнуть этот запах вместе с воздухом.

Я держала пальцы под холодной водой и смотрела, как розовые струйки стекают в старую раковину. На шее оставался мой белый шарф. Ещё утром он был просто марким и неудобным. Теперь на нём расплзлось красное пятно, которое уже не притворишь случайностью.

Очень хотелось смотреть на пятно на шарфе, трещину в

эмали, серую бумагу в держателе. На что угодно.

Только не в зеркало.

Разумеется, я посмотрела.

Из зеркала на меня уставилась девочка с разбитой губой, грязной полосой на щеке и кровью на подбородке. Волосы выбились из хвоста. Колени брюк были мокрыми после снега. Эта девочка выглядела так, будто кто-то взял аккуратную версию Миры Светловой и провёл по ней ладонью.

У двери стоял Артём Горин.

На его костяшках тоже была кровь. На скуле краснело пятно. Куртка промокла, волосы прилипли ко лбу. Он держался в двух шагах от меня, словно расстояние могло что-то исправить.

Потом сунул руку в карман и достал старую синюю зажигалку. На крышке почти стёрся белый ворон. Артём положил её на подоконник и сразу убрал руку.

– Зачем принёс? – спросила я.

– Забыл выкинуть.

– Врёшь плохо.

– Знаю.

Кран капал.

Кап.

Кап.

Кап.

Я промокнула губу бумажным полотенцем. Оно сразу стало красным.

– Я не плачу, – сказала я.

Артём помолчал.

– Я не спрашивал.

– Но подумал.

– Я много чего думаю. Не всё надо озвучивать.

Я посмотрела на его руки.

– Помой.

– Мира...

– Помой руки, Горин.

Он подошёл ко второй раковине и включил воду. Струя вокруг пальцев стала розовой. Некоторое время мы стояли рядом и не смотрели друг на друга.

В туалете пахло кровью, дешёвым мылом, мокрой одеждой и чем-то ещё, чему я тогда не знала названия. Может быть, страхом. Может быть, последствиями.

Артём потянулся к зажигалке, но не взял.

– Бабушка заставит меня таскать картошку как искупление, – сказал он.

Я медленно повернула голову.

– У меня разбита губа.

– У меня тоже не парадный вид.

– Мама меня убьёт.

– Тогда картошка перед смертью. Нормальный план.

Я почти рассмеялась и сразу зашипела от боли.

– Горин.

– Что?

– Это правда началось с того, что я не могла дышать?

Он закрыл кран. Взял бумажное полотенце, оно тут же порвалось у него в руках. Артём тихо выругался, достал второе и промокнул костяшки.

– Нет, – сказал он. – Началось с того, что я не смог заткнуться.

ГЛАВА 1

Первый день после каникул, или Как быть невидимкой
Мира

У школьных ворот я поняла, что невидимость после каникул работает из рук вон плохо.

Двор гудел так, будто все три месяца лета копил голоса и теперь решил выпустить их разом. Кто-то визжал от радости, кто-то обнимался у крыльца, кто-то уже успел поссориться из-за расписания. Вчерашние девятые старались выглядеть почти взрослыми: новые куртки, новые кроссовки, лица с выражением «мы теперь десятый класс, отойдите». Получалось не у всех.

Я стояла у ворот и держала ремешок рюкзака так крепко, словно он мог спасти меня от первого сентября.

В кармане лежал список на день. Я сложила его вчетверо ещё дома, в ванной, пока мама стучала в дверь и спрашивала, не опаздываю ли я.

1. Не опоздать.
2. Забрать учебники.
3. Отдать Саше книгу.
4. Не ковырять палец.
5. Дышать.

Пятый пункт был самым подозрительным. Если написать

«не паниковать», организм воспринимает это как приглашение. Поэтому я писала мягче. Дышать. Как будто это такая же бытовая мелочь, как купить хлеб или зарядить телефон.

Дома мама поправила мне воротник и сказала:

– Всё будет хорошо. Ты же у меня умная девочка.

Я кивнула. Что ещё делать? Не говорить же ей, что от слов «умная девочка» иногда хочется немедленно совершить что-нибудь глупое. Например, развернуться и уйти домой. Или сесть прямо на асфальт перед школьными воротами и объявить забастовку организма.

Так я, конечно, не сделала.

Я вообще редко делала то, что хотела.

– Светлова!

На меня налетела Саша Корнилова.

Она всегда появлялась так, будто кто-то включал музыку погромче. Обняла меня, чуть не выбила воздух из лёгких, пахнула клубничной жвачкой, лаком для волос и чем-то сладким. Наверное, опять завтракала конфетами и называла это быстрыми углеводами.

– Ты вообще живая? – Саша отстранилась и заглянула мне в лицо. – Господи, Мир, ты белая.

– Это освещение.

– На улице?

– Ты сама-то спала?

– Четыре часа. Не переводи стрелки.

Я улыбнулась. Саша умела так. Сначала вываливалась в

твой день как фейерверк, а потом вдруг оказывалось, что без неё было бы темно.

Она отступила на шаг, оглядела меня с головы до ног и прищурилась.

– Палец покажи.

Я тут же убрала руку за спину.

– Нормально.

– Покажи – и я сама решу.

– Нет.

– Ладно. Потом отберу силой. Ты слышала?

Вот этого я боялась.

Если Саша произносила «ты слышала?» до первого урока, день мог закончиться чем угодно: пожарной тревогой, новой любовью, скандалом в учительской или тем, что она решит перекрасить волосы в цвет «спелая катастрофа».

– Что ещё?

– Горин вернулся.

Я всё-таки знала, что она скажет именно это. Но имя ударило резко, как линейкой по парте.

Артём Горин появился в нашей школе в прошлом ноябре. Ещё не успел войти в класс, а его уже внесли туда слухами. Из другого района. Живёт у бабушки. Родители – тёмная история. Курит в туалете. Дерётся. Может не прийти на контрольную, а потом написать лучший анализ текста в параллели. Один раз разбил нос одиннадцатикласснику. Второй раз подрался с Денисом Чайкой, и оба потом молчали

так упорно, что даже учителя устали спрашивать. Третий раз сцепился с физруком. Вот это уже было легендой.

Я с ним почти не разговаривала.

Однажды он попросил ручку. Не вернул.

В другой раз на литературе сказал, что моя трактовка Катины слишком удобная. Я весь урок злилась. Дома перечитала конспект и поняла, что он был не совсем неправ. От этого злилась ещё сильнее.

– Он вроде никуда не уезжал, – сказала я.

– Да не в этом смысле. Направо посмотри.

– Не хочу.

– Поздно. Он уже на тебя смотрит.

Разумеется, я посмотрела.

Горин стоял чуть в стороне от всех. Чёрная куртка вместо пиджака, тёмные волосы в беспорядке, рюкзак на одном плече. Он не разговаривал ни с кем. Просто смотрел в телефон, будто школьный двор был плохой заставкой, которую нельзя отключить.

И, конечно, именно в этот момент поднял глаза.

Мне следовало отвернуться сразу. Нормальные люди так и делают: поймали случайный взгляд – отвели свой, пошли дальше, никто не умер. Но я на секунду зависла.

Он посмотрел на меня без интереса. Или сделал вид, что без интереса. У Горина вообще было лицо человека, который заранее решил, что все вокруг его утомляют.

Я отвернулась первой.

– Ну всё, – тихо сказала Саша.

– Что?

– Первый зрительный контакт учебного года. Торжественный момент.

– Саша.

– Всё, молчу.

– И вообще, у меня нет личной жизни.

– Я знаю. Поэтому приходится помогать.

Я хотела ответить что-нибудь умное, но прозвенел звонок. Школьный двор сразу зашевелился, как потревоженный муравейник. Все двинулись к входу. Я вместе с потоком прошла через турникет, показала пропуск охраннику и почему-то почувствовала, что возвращаюсь не в школу, а в старую роль, которую за лето забыла на подоконнике.

Мира Светлова.

Отличница. Спокойная. Удобная. Всегда с домашкой. Всегда с запасной ручкой. Всегда улыбается, когда надо.

Если бы ещё дышать по расписанию получалось, цены бы мне не было.

В классе пахло вымытыми полами, новыми тетрадями и чужими духами. На доске мелом написали: «С новым учебным годом!» – и пририсовали кривую ромашку. Кто-то уже успел написать под ней: «Спасите». Очень честно.

Я села на своё место у второго ряда, достала пенал, тетрадь, ежедневник. Разложила всё ровно. Это помогало. Когда вещи лежат на местах, есть шанс поверить, что и ты тоже.

Саша плюхнулась рядом и сразу полезла в рюкзак.

– Я домой хочу.

– Мы только вошли.

– Вот именно. Ещё можно спастись.

– Мама тебя вернёт.

– Не порть мне побег.

В класс вошёл Денис Чайка.

Он поздоровался со всеми сразу, легко, как человек, которому не нужно думать, имеют ли право его любить. Высокий, спортивный, светлая рубашка сидела идеально, улыбка – тоже. Денис умел быть хорошим так, что это не раздражало. Почти.

– Привет, Мира, – сказал он, проходя мимо.

– Привет.

– Лето пережила?

– Вроде. Ты?

– Август почти весь на тренировках. Не уверен, что это считается отдыхом.

Он улыбнулся и пошёл к своим.

Саша наклонилась ко мне.

– И кстати, Чайка снова свободен.

– Почему я должна это знать?

– Не знаю. Но ты сейчас очень старательно не смотришь в его сторону.

– Я смотрю в тетрадь.

– И краснеешь в неё. Убедительно.

Я уткнулась в тетрадь.

Денис был хорошим. Слишком хорошим, чтобы рядом с ним не чувствовать себя человеком, который где-то испачкал белую рубашку и теперь надеется, что никто не заметит. Он мне нравился раньше. Может, и сейчас немного. Это было безопасное «нравился»: как красивая витрина, мимо которой проходишь и ничего не покупаешь, потому что дорого и вообще тебе не нужно.

Потом дверь открылась.

Без стука.

Горин вошёл в класс за минуту до учительницы. Точнее, не вошёл – появился. Так появляются люди, про которых уже все говорят. Сразу стало тише, хотя никто, конечно, не признался бы, что это из-за него.

Он прошёл к последней парте у окна. По пути задел чей-то стул рюкзаком, даже не обернулся. Сел, достал телефон, положил на парту и устался в него с таким видом, будто собирался пережить этот день исключительно назло.

– Вот он, – прошептала Саша. – Местный Волан-де-Морт с никотиновой зависимостью.

– Ты это только что придумала.

– И уже горжусь.

Ирина Павловна вошла в класс с журналом, бумагами и лицом человека, который уже устал, хотя год только начался.

– Доброе утро, десятый «Б».

– Доброе утро, – ответили мы нестройным хором.

– Надеюсь, за лето вы отдохнули и хотя бы частично вспомнили, как ведут себя в школе.

– А если частично не получилось? – донеслось с последней парты.

Все повернули головы.

Ирина Павловна даже не посмотрела в журнал. Она точно знала, кто это сказал.

– Тогда, Артём, освежим на твоём примере.

– Вот и отдохнул.

– Не переживай. Я помогу.

Класс прыснул.

Я тоже почти улыбнулась, но вовремя спряталась в тетрадь. Не потому, что смешно. Ну, может, чуть-чуть. Просто Горин говорил с учителями так, как будто мир не рухнет, если он не будет удобным. Это было безобразно. И немного завидно.

Первый урок прошёл почти спокойно. Нам выдали расписание, напомнили про форму, ЕГЭ, проект по литературе, школьные правила, ещё раз ЕГЭ, потом для надёжности снова ЕГЭ. От этого слова меня к концу часа начало слегка подташнивать.

Самое неприятное случилось в самом конце.

Ирина Павловна взяла список.

– Проект по литературе в этом полугодии делаете парами. Пары распределила я. И сразу отвечаю: нет, меняться нельзя.

Класс застонал.

– Я ещё даже фамилии не назвала. Мира Светлова...

Я подняла голову.

– ...и Артём Горин.

Саша медленно повернулась ко мне с лицом человека, который только что увидел начало сериала века.

Я не сразу поняла, что в классе стало очень тихо.

Потом услышала с последней парты:

– А если очень попросить?

Спасибо, Горин. Очень приятно.

Ирина Павловна посмотрела на него поверх очков.

– Нет.

– А если Светлова сама захочет?

– Мира умеет говорить за себя.

– Светлова, у тебя есть шанс.

– Артём. Хватит.

Класс засмеялся.

Я сидела прямо, держала ручку и думала, что пятый пункт списка надо было писать крупнее.

Дышать.

Дышать, Светлова.

Ты же умная девочка.

ГЛАВА 2

Туалет третьего этажа как точка сборки
Мира

К третьему уроку я уже успела решить, что жизнь несправедлива, литература предала меня первой, а Ирина Павловна тайно ненавидит хороших учениц.

Другого объяснения тому, что меня поставили в пару с Артёмом Гориным, я не находила.

– Зато не скучно, – сказала Саша, ковыряя вилкой макароны.

– Я голосую за скучно.

– Даже если у скуки такие глаза?

Я подавилась соком.

– Саша, можно хоть пять минут без этого?

– Можно. Не хочу. Глаза красивые. Руки тоже. Всё остальное – спорно.

– Спасибо за экспертизу.

– Я серьёзно. Тебе полезно поработать с человеком, который хоть иногда делает не по твоему плану.

Я машинально посмотрела на свой пенал. Ручки лежали по цветам.

– Пенал не трогай.

– Я его вообще не трогала.

– Ты на него посмотрела.

– И он всё сказал за меня.

Я хотела возразить, но в столовую вошёл Денис Чайка. Рядом с ним шли ребята из баскетбольной секции. Они смеялись так громко, будто весь мир был большой раздевалкой после выигранного матча. Денис заметил нас, кивнул, а потом пошёл к своему столу.

Саша сразу оживилась.

– С Чайкой тебе было бы проще. Вы бы за два вечера всё закрыли.

– Денис не отличник.

– Зато он хотя бы приходит на уроки. Уже плюс.

Я улыбнулась. Правильно. Вовремя.

И почти сразу всё испортилось.

Не из-за Дениса. Не из-за Горина. Вообще ни из-за кого.

Просто звук в столовой вдруг стал ватным. Слишком громким и слишком далёким одновременно. Будто кто-то накрыл меня стеклянной банкой, а снаружи продолжал жить школьный день: звенели вилки, хлопали двери, кто-то кричал про кетчуп, Саша говорила что-то смешное.

Я перестала понимать слова.

Вдох получился коротким. Второй – ещё хуже.

Нет. Только не сейчас.

Я опустила взгляд на поднос. Макароны. Котлета. Салат, в котором капуста выглядела наказанием. Всё как обычно. Значит, надо вести себя как обычно.

– Мир? – Саша перестала жевать.

Я подняла глаза.

Она уже смотрела на меня не шутя.

– Ты чего?

– Душно.

Голос вышел нормальный. Почти. Я даже гордилась бы, если бы в груди не началась паника.

– Пойдём выйдем. Давай.

– Не надо. Я сама.

– Мир, подожди.

– Саш, я сейчас.

Я встала. Не резко. Резко ходят те, кто убегает. А я не убегала. Просто шла. Мимо столов, мимо очереди у раздачи, мимо мальчика из девятого класса с кетчупом на рукаве. Мир вокруг немного плыл, но я упрямо смотрела перед собой. Главное – не упасть. Упасть в школьной столовой – это сразу легенда. Через пять минут уже скажут, что Светлова драматично рухнула из-за неразделённой любви к Чайке. Или к гречке с котлетой.

На первом этаже было слишком людно. На втором – тоже. Поэтому я поднялась на третий.

Туалет в конце коридора обычно пустовал. Там мигала лампа, плохо закрывалась крайняя кабинка и пахло хлоркой так, будто уборщица пыталась вытравить из школы все грехи разом. Зато там почти никто не появлялся.

Я вошла в крайнюю кабинку, закрыла дверь и села на кор-

точки, прижавшись спиной к стене.

Вдох.

Не получилось.

Ещё раз.

Тоже.

Грудь сдавило так, будто внутри затянули ремень. Я знала, что не умираю. Это было самое обидное. Голова всё понимала: паническая атака, уже было, пройдёт, дыши, считай, вода, холод, опора. Но телу было плевать на мои знания. Тело решило, что сейчас конец, и устроило эвакуацию всех систем.

Я вцепилась ногтями в ладонь.

Не ковырять палец, ага. Спасибо, список. Очень помог.

Снаружи скрипнула дверь.

Я замерла.

Тяжёлые шаги. Потом щелчок зажигалки. Запах сигарет быстро просочился под дверцу кабинки.

Господи, только не это.

– Здесь занято, – сказала я.

Точнее, попыталась. Получился какой-то обрывок.

За дверью помолчали.

– Я понял, – отозвался знакомый голос.

Я закрыла глаза.

Горин.

Ну конечно. Кто ещё мог решить, что женский туалет на третьем этаже – идеальное место для перекура в первый день

после каникул?

– Это женский туалет.

– Заметил.

– Тогда выйди.

– Секунду.

– Ты серьёзно сейчас?

– Не особо.

Я хотела сказать что-нибудь колкое. Очень хотела. Но воздух снова оборвался, и вместо фразы получился короткий всхлип.

Снаружи стало тихо.

Слишком тихо.

– Светлова? – Голос у него изменился.

Я ненавидела, что он понял.

– Всё нормально.

– Не похоже.

– Уйди.

– Нет.

– Горин, пожалуйста.

Вот это было ошибкой.

Людям вроде Горина нельзя говорить «пожалуйста». Они сразу начинают думать, что получили власть. Или наоборот – что теперь обязаны что-то сделать. Оба варианта ужасные.

Он больше не язвил. Я слышала, как он погасил сигарету о край банки на подоконнике. Потом подошёл ближе к кабинке.

– Открой.

– Нет.

– Я не зайду. На секунду открой.

– Нет.

– Ладно. Ты на полу?

– Какая тебе разница?

– Большая, если ты сейчас там грохнешься.

Я не открыла.

Он выдохнул. Потом сел на пол по другую сторону двери.

Я увидела под щелью край его кеда.

– Ладно, – сказал он. – Тогда слушай. Вдох на четыре. Выдох на четыре.

– Откуда ты...

– Потом. Сейчас считай.

– Не командуй.

– Один.

– Горин.

– Два.

– Я тебя ненавижу.

– Отлично. Значит, слышишь. Три.

Я закрыла глаза.

– Четыре.

Я попыталась вдохнуть. Воздух вошёл рывком, как будто его протолкнули силой.

– Теперь выдох. Медленно. Один.

– Я сама.

– Тогда сама. Только вслух.

– И ты молчать будешь?

– Постараюсь.

Почему-то это помогло.

Не сразу. Некрасиво. Не так, как в фильмах, где героиня за минуту приходит в себя, а потом благодарно смотрит на спасителя. Я злилась, задыхалась, шмыгала носом и думала, что, если выживу, обязательно скажу Ирине Павловне, что проект с Гориным невозможен по медицинским показаниям.

Но через несколько минут воздух начал возвращаться.

Сначала маленькими кусками.

Потом больше.

Я сидела на грязном полу школьного туалета, а самый проблемный парень школы за дверью считал мне дыхание. Если бы кто-нибудь рассказал мне такое утром, я бы решила, что он болен.

– Ну? – спросил он.

– Что «ну»?

– Живая?

Я вытерла глаза рукавом. Тушь, кажется, не потекла. Маленькая победа.

– Откроешь?

– Нет.

– Светлова.

– Что?

– Я хочу убедиться, что ты не свалишься, когда встанешь.

Я поднялась не сразу. Сначала проверила, держат ли ноги. Потом открыла замок и вышла.

Горин стоял у окна. От подоконника к форточке тянулась тонкая серая лента дыма. Он был без пиджака, в чёрной футболке под расстёгнутой рубашкой. На правой руке – свежая ссадина на костяшках. На левой – тонкий шрам у запястья.

Я, наверное, выглядела ужасно. Бледная, с влажными глазами, волосы выбились из хвоста. Но он смотрел не так, как смотрят на человека, которого стало жалко.

Он просто смотрел.

– Ты никому не скажешь.

– Не скажу.

– Даже Саше. Даже если...

– Никому.

– Горин, я серьёзно.

– Я тоже, Светлова.

Слишком быстро. Слишком спокойно.

– Почему?

Он пожал плечом.

– Потому что это не моё дело.

– И всё?

– А тебе мало?

Я должна была разозлиться. Но вместо этого вдруг почти рассмеялась. Горло болело после сбитого дыхания, поэтому смех вышел плохой. Горин отвернулся к окну, будто не заметил.

– Ты часто сюда ходишь? – спросила я.

– Первый раз.

– В женский туалет?

– В женский – точно.

– Тебя поймают.

– Уже ловили.

Он завернул окурок в кусок бумаги и сунул в карман.

– Фу.

– Что?

– Окурок в карман?

– Не на пол же.

Я сжала лямку рюкзака. Нужно было уйти первой. Вернуться в столовую, сказать Саше, что всё нормально, потом пойти на литературу и сделать вид, что ничего не случилось. Я умела делать вид. Это был мой главный предмет, просто без оценок.

Горин взял рюкзак с подоконника.

– Ты куда?

– На урок.

– Ты?

– Не порть момент.

Он прошёл к двери, но остановился.

– Светлова.

– Ну?

– Проект никуда не делся.

Вот же человек.

– Я попрошу другую пару.

– Проси.

– И?

– Ирина Павловна не поменяет.

Я посмотрела на него. Наверное, слишком резко.

Он поморщился.

– Не из-за того, что сейчас было. И про тебя я никому не скажу.

– Всё, иди.

– Иду.

Он вышел.

Я осталась одна в туалете третьего этажа. В воздухе ещё держался запах сигарет. Я подошла к раковине, включила воду и подставила запястья под холодную струю. Пульс постепенно замедлялся.

На подоконнике лежала забытая зелёная обёртка от жвачки. Наверное, его. Я посмотрела на неё и почему-то не выбросила.

ГЛАВА 3

Артём Горин по версии школьных легенд
Мира

На следующий день я решила, что буду относиться к Артёму Горину как к учебной задаче.

Это было разумно. У нас проект. Проект требует информации. Информация требует сбора данных. Сбор данных исключает эмоциональную вовлечённость, если подходить к нему научно.

Примерно так я объяснила себе, почему на первой перемене спросила у Саши:

– Что ты знаешь про Горина?

Саша перестала жевать яблоко.

– Так. Стоп. Ты серьёзно?

– Что?

– Вчера он был «катастрофой», а сегодня ты собираешь досье?

– Это не досье. Мы в паре.

– Конечно.

– Мне надо понять, можно ли на него рассчитывать.

– Нельзя. Записывай. Исследование закончено.

Мы сидели на подоконнике между кабинетами истории и биологии. Саша болтала ногой в кеде, я держала на коленях

тетрадь и делала вид, что не собираюсь ничего записывать. Хотя ручку уже открыла. Саша заметила ручку, но ничего не сказала – только приподняла бровь.

– Ладно. Пришёл в прошлом ноябре. Не с начала года. До этого вроде учился где-то на окраине, но...

– Но?

– Никто толком не знает. И нет, это не повод писать «неизвестно».

Мимо прошли две девочки из параллели. Одна сказала другой: «Это он вчера опять у директора был?» Я автоматически подняла голову.

Саша заметила, как быстро я подняла голову. Ничего не спросила, откусила яблоко и проводила девочек взглядом.

– Видишь? Вот так всё и работает.

– Саш.

– Что? Живёт у бабушки. Она нормальная, её на родительском видели. Тихая. На ярмарку пирожки приносила. Все думали, Горин не придёт помогать, а он пришёл. Столы таскал.

Я представила Артёма среди столов, шариков и мам с контейнерами выпечки. Картинка получилась странная.

– А родители?

– Не знаю. Вот правда.

– Вообще никто?

– Я – точно нет.

Я всё же записала: «родители – неизвестно».

– Учится как попало, – продолжила Саша. – По литературе, истории и математике может внезапно выдать лучше всех. По химии – пустой лист. На физре его сначала обожали, а потом была история с носом.

– С физруком?

– Угу.

Саша понизила голос, хотя вокруг было шумно, и чуть придвинулась ко мне.

– В прошлом году физрук схватил Никиту за воротник. Ну, того младшего, которого старшие дёргали. Горин влез. А дальше версии расходятся: кто первый толкнул, кто что сказал.

– А нос?

– Нос физруку сломали. Вот это почему-то помнят все.

Я смотрела на тетрадь. На слове «Никита» чернила расплылись маленькой кляксой: я слишком сильно нажала ручкой.

– И Горина не исключили?

– Камеры были. На записи видно, что физрук тоже полез руками. Родители Никиты потом подтвердили травлю. Горину всё равно вклеили выговор.

Я вспомнила ссадины на костяшках Артёма. Свежие. Не прошлогодние.

– Ещё драки были?

Саша глянула на меня с интересом, потом на тетрадь у меня на коленях.

– Ты серьёзно ведёшь протокол?

– Нет.

– Мира.

Я закрыла тетрадь.

– Просто рассказывай.

– С Денисом дрался.

– С Чайкой?

Это удивило. Денис казался человеком, который может максимум красиво нахмуриться.

– Да. И вот там вообще тишина. Оба сказали что-то про спорт – и всё. Денис потом с синяком ходил, Горин с разбитой губой.

– А ещё?

– У школы была драка. С кем – понятия не имею. Версий штук десять.

Я открыла тетрадь снова.

Саша заглянула в тетрадь и пальцем придержала край страницы, когда я попыталась её прикрыть.

– Ты правда это записываешь?

– Только то, что можно проверить.

– У тебя половина страницы начинается со слова «говорят».

Я хотела возразить, но прозвенел звонок.

На математике я пыталась слушать Ольгу Сергеевну и не думать о Горине. Получалось плохо. В тетради вместо примеров появлялись обрывки: «бабушка», «Никита», «Денис»,

«выдохни». Последнее я быстро зачеркнула.

Артём на урок не пришёл.

На историю тоже.

На большой перемене он появился в коридоре с таким видом, будто это школа опоздала к нему, а не он к ней. Шёл один, без спешки. На плече рюкзак, в руке книга без обложки. Кто-то из десятиклассников уступил ему дорогу, хотя места хватало всем.

Я стояла у окна с Сашей и делала вид, что слушаю рассказ о том, как её двоюродная сестра покрасила волосы в синий и теперь похожа на русалку после нервного срыва.

Артём прошёл мимо.

На секунду его взгляд зацепился за меня.

Я вспомнила: «Раз. Два. Три. Четыре».

Он отвёл глаза первым.

– Видела? – прошептала Саша.

– Что?

– Он опять на тебя посмотрел.

– Мы в одной паре.

– Ага. Поэтому ты сразу перестала слушать про мою сестру.

Я решила, что после уроков найду его и обсужу проект. Так будет правильно. Раз уж мы в паре, нужно договориться о книге, сроках, плане работы. Ничего личного. Никаких туалетов третьего этажа. Никаких выдыхов.

После шестого урока я пошла в библиотеку.

Школьная библиотека находилась в старом крыле, куда редко доходил ремонт. Там пахло бумагой, пылью и мокрыми листьями, потому что окно у стола библиотекаря вечно приоткрывали, а за ним росла рябина. Мне нравилось это место. Здесь люди говорили тише, даже если не умели.

Галина Михайловна, библиотекарша, подняла глаза от компьютера.

– Мира, помочь что-нибудь найти?

– Нет, спасибо. Я сама.

Я прошла между стеллажами. Раздел русской классики был у дальней стены. Достоевский занимал почти целую полку: старые тома с потрёпанными корешками, новые издания с глянцевыми обложками, сборники критики, которые никто не брал, но они всё равно стояли с видом оскорблённой важности.

Артём сидел за столом у окна.

Я увидела его не сразу. Сначала заметила руку с карандашом. Потом книгу. «Братья Карамазовы». На полях – тонкие пометки. Он писал прямо в библиотечной книге.

Я должна была возмутиться. Это было нарушение правил. Книги нельзя портить. Особенно библиотечные.

Но он писал карандашом. Аккуратно. Не подчёркивал всё подряд, а будто оставлял себе тропинки внутри текста.

Я подошла и остановилась напротив.

Он не поднял глаз.

– Нам нужно обсудить проект.

– Я помню.

– Тогда почему тебя не было на литературе?

– Не дошёл.

– И это всё объяснение?

Он перевернул страницу.

Я села напротив без приглашения. Стул скрипнул слишком громко. Артём поднял глаза только после этого и большим пальцем придержал страницу, будто разговор уже мешал ему читать.

Вблизи он выглядел уставшим. Не сонным, а именно уставшим, как будто семнадцать ему было только по документам, а внутри он давно спорил с кем-то взрослым и не мог выиграть. На скуле – тонкий жёлтый след старого синяка. На нижней губе – маленькая трещина.

– Ты правда написала про меня «Горин – анализ рисков»?

Я замерла.

– Ты читал мою тетрадь?

– Увидел. Она была открыта.

Ужас.

Я почувствовала, как жар поднимается к лицу. Очень хотелось сделать вид, что такой записи вообще не существовало, но было поздно.

– Всё равно не надо было смотреть.

– Я не листал.

– Спасибо огромное.

– Пожалуйста.

Я хотела встать и уйти. Или сказать что-нибудь ледяное. Получилось только:

– Я просто хотела понять, можно ли на тебя рассчитывать.

– И как?

– Пока плохо.

Он посмотрел на меня дольше обычного, потом положил карандаш поперёк раскрытой книги.

– Справедливо.

– Я не шучу.

– Я тоже.

Я открыла рюкзак, достала список романов и положила на стол между нами.

– Ладно. Книга.

Он посмотрел на список.

– «Идиот».

– Ты список хотя бы посмотри.

– Смотрел вчера.

– Там больше пятисот страниц.

– И?

Я сжала ручку сильнее, чем нужно. Колпачок тихо щёлкнул.

– И у нас сроки.

– Успеем.

– Ты слишком уверен.

– А ты уже придумала, почему не стоит.

Мне стало неприятно. Не потому, что он был прав цели-

ком. Просто я и правда уже успела придумать три причины отказаться. Не потому, что боялась не справиться. Я боялась справиться не идеально. Это другое. Хуже.

– Я не боюсь сложного, – сказала я.

Артём чуть наклонил голову и подождал, не подсказывая мне ответ.

– Тогда в чём проблема?

– В том, что нас двое. И ты можешь просто не прийти.

– Могу.

– Вот.

– Но сейчас я здесь.

Я перевела взгляд на него. Он снова опустил глаза к «Братьям Карамазовым», будто разговор закончился.

– Горин.

– Что?

– Вчера... зачем ты остался?

Карандаш в его пальцах остановился.

Я сама не поняла, зачем спросила. Это не входило в план. Никак не относилось к проекту. Было неуместно, небезопасно и слишком прямо.

Он не ответил сразу.

За окном ветер шевелил рябиновые листья. Где-то в коридоре хлопнула дверь. Галина Михайловна кашлянула у своего стола. Артём провёл ногтем по краю страницы, но на текст уже не смотрел.

– Потому что ты задыхалась, – сказал он наконец.

– Это я знаю.

– Тогда что ты хочешь услышать?

Мне нечего было сказать. Я провела пальцем по краю списка романов и тут же убрала руку.

Он закрыл книгу, закинул рюкзак на плечо и встал.

– Завтра после уроков. Здесь.

– Это ты сейчас предложил или назначил?

– Предложил.

– Не похоже.

– Но ты придёшь?

– Приду, – сказала я. Артём пошёл к выходу, но у двери остановился и обернулся.

– Светлова.

– Что?

– Сегодня нормально?

Он спросил без насмешки. Я перестала перебирать список пальцами и только тогда поняла, что делала это всё время.

– Да. Сегодня да.

Артём вышел, оставив после себя запах улицы, табака и карандашную пыль на столе.

Я сидела ещё несколько минут. Потом взяла «Идиота» с полки. Старый экземпляр, серо-зелёная обложка, мягкий корешок, желтоватые страницы. Открыла наугад.

На полях был чей-то карандашный почерк.

Не мой.

Не библиотечарский.

Я провела пальцем рядом со словами, не касаясь грифеля.

«Страшнее всего – когда тебя жалеют вместо того, чтобы услышать».

Я закрыла книгу слишком резко.

И поняла, что задача стала сложнее.

ГЛАВА 4

Первая встреча по делу и не совсем по делу
Артём

Я пришёл в библиотеку на десять минут раньше и сразу пожалел.

Раньше приходят те, кто ждёт. А я ждать не собирался. Я вообще не собирался делать из школьного проекта событие, тем более и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.